

Ева Миллс

Марица

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ева Миллс

Мариза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54860027

SelfPub; 2025

Аннотация

Мариза никогда не думала, что ее идеальные отношения могут дать трещину. Но новая работа Рэя, жизнь в чужой стране – все это подвергло их любовь испытаниям. Смогут ли Мариза и Рэй сохранить свой брак, ведь на горизонте уже маячит обаятельный коллега...

Первая книга из цикла "Воздушные замки".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Ева Миллс

Мариза

*Все совпадения из жизни автора собраны в историю слу-
чайным способом*

2017

Август

I can be your hero baby

I can kiss away the pain

I will stand by you forever

You can take my breath away

(Enrique Iglesias – Hero)

Мы с Рэем поженились в конце августа.

Свадьба была огромной. Я очень хотела маленькую – только самые близкие, и чтобы Моника сама пофотографировала, но последняя стала на рога.

-Простенькая свадьба? Никакого нарядного платья? Не сделать объявления в газеты, не опубликовать фото в платье от Веры Вонг, не вырвать в последний момент Кристиана Ота? В своём ли ты уме, Ри? Я не позволю тебе совершить такую глупость! Поверь мне, скучная свадьба-это отстой.

Ей вторила Марианна:

-Ты собираешься съехать от нас и даже не дашь нам напоследок покрасоваться в платьях подружки невесты и пофлиртовать со всеми этими затянутыми в воротнички кол-

легами-докторами Рэя? Даже и не думай, Ри, что тебе удастся повернуть этот фокус.

Неожиданно Монику и Марианну поддержала мама.

-Глупо отказываться от торжества, раз уж ты первая из нас выходишь замуж не беременная и без жуткого токсикоза. Ну, пожалуйста, милая, дай нам всем повод устроить праздник. Свадьба – это то, что бывает у каждой девушки только раз в жизни.

Я подняла брови её же фирменным движением. Ева смутилась, но не отступила.

-Ну ладно, у некоторых свадьба бывает дважды. Но всё равно это очень важное событие. И мы с девочками возьмём всю организацию на себя! Тебе нужно будет только выбрать платье!

И я сдалась.

Мне ни капельки не стыдно, но я действительно почти не занималась подготовкой к своей свадьбе, хотя полностью избежать этой кутерьмы не удалось. Меня постоянно куда-то везли, что-то показывали, просили одобрения. Я со всем соглашалась. Но к выбору платья стоило подойти серьёзно. Если бы я дала волю трём разошедшимся М – маме, Монике и Марианне – идти мне к алтарю, похожей на шифоновый торт с длинным шлейфом крема.

Они привели меня в салон и уютно устроились в креслах. Вид у них был немного хищный. Я поставила условие: ничего пышного, только прямые, чистые, строгие линии. Все по-

слушно покивали. Продавщица – кажется, её нельзя сейчас так называть – приносила мне красивые платья, они красиво на мне сидели и, на мой взгляд, все были одинаковыми.

-Давайте возьмём это, – предложила я, выходя к ним раз, наверное, в шестой. -Платье было изумительным. Струящееся, из плотного белого шёлка, с инкрустацией из перьев на левом плече, оно элегантно хомутом открывало спину и спадало с плеча.

-Мариза, какая же ты красивая! – это мама.

-Действительно, Ри, ты такая стильная в нём, прямо как Карен Элсон. Хоть сейчас на обложку Харперс Базар! – это Моника.

-Риз, а что ты чувствуешь, когда видишь себя в этом платье?– спросила Марианна и все уставились на меня, ожидая ответа.

-Что я должна чувствовать? Это же просто платье!

Все, включая продавщицу, переглянулись и посмотрели так, как будто у меня вырос глаз на лбу, потом Ева покачала головой.

-Так не пойдёт. Поищем где-нибудь ещё.

Здесь уже я возмутилась:

-Нет, это так не пойдет! Я не собираюсь потеть и примерять ещё сотни одинаковых нарядов, только потому, что у вас там какие-то суеверия! Мне это платье нравится, вам нравится, Вере Вонг, оно, в конце концов, тоже нравится, и мы его берём!

Здесь вмешалась консультант.

-Позвольте мне предложить вам ещё одно платье. Просто для сравнения.

-Только одно?

-Последнее, даю вам слово.

Она отошла и вернулась к нам, бережно неся в руках что-то ужасно нежное, кружевное и пышное!

–Ни за что. Я такое не надену. С моими пятью футами тремя дюймами я буду в нём похожа на гриб. На беленький, приземистый, рыжеволосый гриб. Боровик. Никогда.

Я оглянулась на Монику. Ну она-то, с её безупречным вкусом и чувством стиля, должна же понимать!

–Мони, скажи им!

Но Моника только задумчиво хмыкнула, разглядывая платье.

–А знаешь...Примерь его, Ри.

Я стояла перед зеркалом и не могла отвести от себя взгляд. О, я совсем не была похожа на грибок. Невесомое кружево нежно облегалo мой торс, от талии уходя в волны ниспадающего, тончайшего шёлка и превращало меня в хрупкую сильфиду, выходящую из пены волн.

-Вау!

-Мариза, ты похожа...на себя – не нашлась со сравнением Моника.

-Теперь понимаешь, про что мы?– понимающе улыбно-

лась мама.

Я кивнула. Теперь я понимала.

Время до свадьбы крутилось с бешеной скоростью. Я искала себе работу – не слишком усердно, Рэй же, напротив, вкалывал с утра до ночи. Мы виделись только поздно вечером и сил у нас хватало на то, чтобы поужинать и свалиться спать, обнимая друг друга. Но однажды днем Рэй пришел с работы рано, с огромным букетом и шампанским.

Я удивилась:

–Мы что-то празднуем?

–Да. Наверное. Ри, мне предложили работу.

–У тебя уже есть работа.

–Ри, это парни из Европы. Исследовательский институт Люксембурга. Они меня хотят.

–Это круто?

–Круто ли это? Это супермегакруто, Ри! Это успех!

Рэй сиял, как начищенная звезда.

–Рэй, ты уверен, что тебе это нужно? Здесь стабильная работа, хороший оклад и отличные перспективы. – И друзья, и родители рядом, мысленно добавила я. – Как-то страшно-вато все менять.

Он взял в свои ладони мои.

–Ри, любимая. Я знаю, как ты привязана к дому. Но они предлагают мне пятилетний контракт. Предоставляют жилье, автомобиль. И знаешь, сколько в год?– Он сказал.– Сум-

ма была...головокружительная. Я присвистнула. -Вот именно! Ри, представь себе, через пять лет тебе будет всего двадцать шесть, мне тридцать один, мы будем еще совсем молоды и богаты, умопомрачительно богаты. Вернемся сюда, поближе к родственникам, купим себе дом-любой, какой захотим, я открою частную практику, мы заведем детей... Ри, я знаю, ты пока не нашла себе работу, иначе я бы никогда не предлагал вот так тебе все бросить и уехать. Любимая, что ты думаешь?

Его глаза горели. Мысленно он был уже в Люксембурге. По сути, думать было нечего. Рэй был прав: я была свободна, а это была отличная возможность. И мы скоро станем семьей.

Я улыбнулась.

-Когда едем?

Он просиял. Обнял меня, закружил, поцеловал.

-С сентября надо приступить. Сразу после медового месяца собираем вещи и летим туда.

-Но, Рэй. Так рано?

Он не ответил. Поцеловал меня долгим, нежным поцелуем, расстегнул блузку, потер пальцами соски, погладил шею, подбородок, как кошке. В его сильных, умелых руках я привычно расслабилась и выкинув из головы все сомнения, отдалась охватившему удовольствию.

Европа так Европа. Главное, что мы вместе и любим друг друга.

**

Утром, одеваясь на работу, Рэй сказал.

–Ах да, Ри, я пригласил тех ребят из Люксембурга к нам на свадьбу. Внесешь их в список гостей? Два места.

–Легко,– кивнула я и намазала маслом тост.

**

День свадьбы я всегда восстанавливаю по фотографиям. В моей памяти он остался длинным смазанным пятном, с отдельными четкими, до рези ясными моментами.

Щелк.

Я сижу перед зеркалом. Моника и какая-то незнакомая девушка сверлят меня рентгеновскими взглядами и перебрасываются непонятными фразами: все слова знакомы, но смысл от меня ускользает.

–Мне кажется, влажный это не ее.

–Да-да, надо полностью прозрачный. Немного сияния и цвета.

–И никакой жесткой фиксации

–Только перья, немного света, вот здесь и здесь, а там затемним.

–Моника – строго вмешалась я.– Если после всего этого мейкапа я не узнаю себя в зеркале, я отсюда не выйду. Я серьезно. Отменю свадьбу.

Она чмокнула меня в нос и отвернула кресло от зеркала.

–Доверься мне, сестренка. Ингеборг – лучшая.

Я вздохнула и закрыла глаза.

Щелк.

Из зеркала на меня смотрит я. Это настоящая я, но выгляжу так, как будто по мне провели волшебным ластиком. Ни грамма косметики незаметно на моем лице, но меня словно подсветили внутренним светом. Глаза— выразительнее, губы— ярче, брови— идеальной пушистости, а волосы... поверьте мне, в тот момент я самая прекрасная девушка на земле.

—А что я тебе говорила, довольно хмыкает Моника. Ингеборг — лучшая.

Щелк.

Я иду к алтарю с Хавьером. Вокруг меня лица: счастливые, залитые слезами радости. Мама, Моника, дети, Елена и Джек, подруги, Джей в строгом костюме делает вид, что не плачет, Митч и Кэм. Если бы только папа видел.

Рэй уже ждет меня. Он прекрасен в своем костюме, пиджак подчеркивает его широкие плечи и узкую талию. Сердце стискивает от остроты момента: я так люблю этого мужчину!

Щелк.

Мы произносим наши клятвы. Мы так долго их выбирали: каждое слово — не пустой звук, а обещание, которые мы даем друг другу.

— Рэй, я влюбилась в тебя, как проваливаются в сон: сначала медленно, а потом одним разом. Я не безнадежный романтик. Ни в коем случае не позволяла себе это. Но как

только поняла, пусть на мгновение, каково быть с тобой... Ты меня обрек на муки, я теперь не согласна на меньшее.¹

– Мариза, я хочу сказать, как сильно ты меня зацепила, ты меня изменила. Своей любовью ты сделала из меня настоящего мужчину, и за это я тебе бесконечно благодарен. Если ты мне готова что-то пообещать, то пообещай, что даже когда ты будешь опечалена или не уверена, или если ты совсем утратишь веру, ты попытаешься взглянуть на себя моими глазами. Спасибо, что ты стала моей женой. Ты стала всей моей жизнью. Каждое утро я просыпаюсь и единственное, что я хочу увидеть, – твое лицо.²

Я надеваю ему кольцо на палец. Как можно было бояться, что я его уроню? Рэй надевает кольцо мне. Его руки сильные, теплые, движения уверенные. Он успевает еще погладить большим пальцем мою ладонь.

Щелк.

Мы на ступенях церкви. Вспышки, вспышки, вспышки слепят меня. Я держу Рэя за руку. Я счастлива, я улыбаюсь.

Щелк.

Торжество. Нас все обнимают, говорят хорошие слова. Чувствую себя обезьянкой для фото.

Мама, Хавьер.

Элена, Джек.

Моника, Джейме.

¹ Из фильмов «виноваты звезды» и «меняющие реальность»

² Из фильма «P.S. Я люблю тебя»

Митч, Кэм.

Джей. -Не давай спуску этому оболтусу! -Если ты оби-
дишь эту девочку, я с тебя шкуру спущу!

Рэй смеется.

-Дед, вообще-то, ты родственник с моей стороны.

-И потому я тебя отлично знаю! – Джей поворачивается
ко мне:

-Не позволяй ему слишком много работать, детка.

К нам подходят два незнакомых парня. Оба красивые, в
стильных костюмах. Они очень дополняют друг друга. Вы-
сокие, как Рэй, шесть футов два дюйма, блондин и брюнет,
лица улыбочивые. Какая гармоничная пара, думаю я.

Рэй повернулся ко мне:

-Это мои будущие коллеги из Люксембургского универ-
ситета. Я тебе про них говорил.

-Парни, это моя жена Мариза. Ри, это Алан Киз-блондин,
и Сантьяго да Сильва – брюнет.

Мы пожали друг другу руки, приятно познакомиться, по-
здравируем с таким торжественным днем, мне тоже, спасибо.

Алан расплылся в улыбке.

-Рэй, ты не говорил нам, что женишься на волшебной ру-
салке! Мариза, в каких водах он вас поймал?

Я улыбнулась: —В местных. Но у нас говорят, что это си-
рены увлекают мужчин в свои глубины.

Мы рассмеялись и еще немного поболтали. Второй па-
рень, Сантьяго, в основном молчал. Видимо, в этой паре он

был застенчивой половинкой и не знал, о чем говорить с, по сути, незнакомыми людьми. Как часто я сама была в такой ситуации на всех докторских вечеринках Рэя (и как часто еще буду). Я решила помочь парню и вовлечь его в разговор.

–Вы тоже доктор на пять лет?

Он как будто очнулся.

–Нет, нет, я не врач. Алан – да, он доктор медицины, а я – всего лишь главный инженер, наша строительная фирма выиграла тендер на оборудование нового крыла института. Мы уже год работаем и к следующему декабрю должны закончить.

Щелк.

Мы вдвоем, в номере отеля. Кружимся в танце под *Marguerite train*. В глазах Рэя я вижу свое отражение. Мелодия заканчивается, и мы останавливаемся. Он заходит ко мне за спину. Легкими движениями, растягивая каждое мгновение, тянет молнию на спинке платья вниз, вытаскивает мои руки из кружевной обертки рукавов. Целует шею, плечи, спину, расстегивает бюстгальтер, подсовывает руки под его чашечки, обхватывая грудь, лаская ее, тонкие бретельки падают к локтям, я сбрасываю его одним движением плеч. Рэй становится передо мной любуясь. Верх платья уже упал, до пояса я обнажена. Не разрывая взгляда, он раздевается сам. Совершенный, как греческий бог, стоит и ждет меня. Мой любимый. Мой муж. Поводя бедрами, я освобождаюсь от платья и оно пеной ложится у моих ног. Переступив через него, я

делаю шаг к Рэю и он подхватывает меня на руки.

Сентябрь, Люксембург

*I'm tired of being what you want me to be
Feeling so faithless lost under the surface
Don't know what you're expecting of me
Put under the pressure of walking in your shoes
(Caught in the undertow just caught in the undertow)
(Linkin Park – Numb)*

Мы прилетели в пятницу. Нас встретили, отвезли в роскошные апартаменты и два дня мы были туристами, изучающими новое место. Нашли продуктовые магазины, проложили маршруты, обжили огромную кровать. Все казалось радужным и в понедельник утром Рэй ушел на работу.

Я позавтракала, умылась, оделась, выпила кофе на собственной террасе, посмотрела на часы. Было десять утра и делать было совершенно нечего.

Я решила прогуляться. Я не говорила ни по-французски, ни по-немецки. Рэй убеждал, что это неважно, что это цивилизованная страна, в которой все понимают английский, но при этом свободно общался на французском.

Еле выдавив «мерси» лифтеру – так страшно мне было сказать это простое слово неверно —я выскочила на улицу. На часах было 11.15.

Куда идти— я не представляла. Я не озаботилась ничего изучить ни про город, ни про его достопримечательности и сейчас просто бесцельно брела по улицам. Мне все не нрави-

лось. Я никогда раньше не находилась в одиночестве: сначала я жила с родителями, потом в пансионе, который никогда не пустовал, а сейчас вот с Рэем. Ради интереса я попыталась вспомнить, был ли в моей жизни день, чтобы я заснула, зная, что в соседней комнате никого нет и не нашла такой.

Будем честны. Я оказалась совершенно не приспособленной для самостоятельной жизни. Этот день служит наглядной иллюстрацией последующих месяцев моей жизни, но в тот самый момент я еще не понимала этого. Я тянула время изо всех сил: тщательно разглядывала серые здания, пытаясь найти в них очарование, бесконечно останавливалась выпить кофе, поглядывая на часы, мой рекорд – большой капучино за сорок минут, заходила в магазины, бесцельно обходила их под настороженными взглядами консультантов и направлялась дальше. Меня не интересовали одежда, сумки, обувь, белье, предметы интерьера, сада, драгоценности. Только в магазине канцтоваров я действительно смогла забыть о времени. Продавщица была такой располагающей и увлеченной своим делом, так хорошо говорила на английском, что я разговорилась и рассказала о том, что я иллюстратор. Проведя там волшебный час, я в итоге выбрала себе изумительный толстенький Paperblanks Chloe для набросков новой жизни, пачку плотной бумаги, купила действительно крутой набор угольных и цветных карандашей и открытки абсолютно всем: родителям своим и Рэю, Джею, Мишель, Монике, Марианне и Кайли. Милая девушка подсказала мне,

где почта и я смогла, не откладывая, отправить всем маленькие приветы.

По дороге домой я зашла в магазин и купила продукты для ужина. Дома приняла душ, прихорошилась, накрыла на стол и уже без четверти пять стала ждать Рэя, поминутно поглядывая на часы.

Рэй опоздал на час. Пришел довольный, обнял меня, поцеловал. От него слабо пахло пивом.

–Прости, малышка, я задержался. Зашли с коллегами после первого рабочего дня выпить за знакомство. Ты не скучала здесь? Хорошо провела время?

Я столько хотела ему сказать. Мне плохо и одиноко, мне не нравится город, не нравится квартира, слишком кричащая и модная, у меня явно серьезный языковой барьер, я путаюсь в деньгах, хочу к друзьям, хочу к маме, хочу, чтобы ты приходил вовремя или предупреждал, если нет.

Но я улыбнулась и ответила:

– Все нормально. Прогулялась по магазинам.

Ноябрь, Люксембург

Save me from me

Take me out to breathe

This time I'm ready,

Ready to escape

Round and round I'm turning around

I'm in a cage so help me to fly

(Kadebostany – Save me)

С того дня так и повелось. Рэй был на работе, я бесцельно проводила дни. Зарядили дожди. Я ужасно тосковала по райскому климату Калифорнии и никак не могла найти свою колею. Я пробовала рисовать— и не могла. Этот город, такой красивый и строгий, отталкивал меня. Он не нравился мне — я не нравилась ему. Вдохновения не было. Я брала карандаши, водила ими по бумаге, но изображения не оживали, а казались застывшими и скучными, такими же, как моя жизнь.

Первое время я часто звонила домой. Но с каждой неделей говорить о том, как мне весело, глядя в обеспокоенные лица родителей, становилось все труднее и я словила себя на том, что старательно нахожу поводы, чтобы не общаться с ними.

Единственной моей обязанностью было приготовление ужина и я поняла, что начинаю сходить с ума, в тот момент, когда у меня получилось идеальное безе. Я, всегда предпочитавшая всем пирогам и сложным блюдам, овощи и стейк, от потребности занять свой мозг и руки хоть чем-то, обзавелась батареей форм для выпечки, сковородками Mauviel 1830 и научилась печь хлеб на закваске.

Мне надо было сказать Рэю, но я так хотела быть ему поддержкой, не просто куклой, а женой-компаньоном, он так радовался моим кулинарным успехом и не скупился на похвалу, что я день за днем не могла раскрыть рот и сказать: «Любимый. Это место меня убивает». Он любил меня, он бы понял, мы бы вместе что-нибудь придумали, но какое-то ту-

пое упрямство словно дергало меня: ты не слабая, ты должна справиться сама. И я молчала.

Рэй же, напротив, адаптировался очень и очень хорошо. Он был действительно крутым специалистом, он был трудоголиком и при всем при этом он был обаятельным парнем, душой компании. После того первого раза он больше не задерживался, не предупредив, и каждые выходные выводил меня на какую-нибудь вечеринку, из тех, что устраивали его коллеги. Беда была в том, что я-то всегда была тихоней, того типа, которые раскрываются только при близком общении. В больших компаниях я терялась, и совершенно стеснялась незнакомых людей. Так и получалось, что в основном я стояла возле Рэя в статусе красивой и молчаливой мебели.

Иногда на вечеринках мы пересекались с Аланом и Сантьяго, и тогда ужин оказывался довольно веселым. Эта парочка явно жалела меня, потому как всегда утаскивала поболтать, потанцевать, рассказать последние сплетни и расспросить о моем житье-бытье. Мне кажется, они подозревали, что мне не так уж весело живет в незнакомом городе, но мы никогда не заговаривали на эту тему прямо.

Декабрь, Лос-Анджелес

It's a beautiful lie

It's the perfect denial

Such a beautiful lie to believe in

So beautiful, beautiful

(30 Seconds to Mars – A Beautiful Lie)

На Рождество мы отправились домой. Казалось бы, я должна была быть на седьмом небе от счастья, но необходимость постоянно следить за своими словами лишила меня ощущения праздника. В основном говорил Рэй, взяв на себя рассказывание о своей работе и впечатлениях, я, как анорексичка, которая размазывает еду по тарелке, чтобы скрыть, что ничего не съела, оживленно расспрашивала других, маскируя свое молчание. Мой незамысловатый трюк удался только потому, что никто не ожидал от нас с Рэем подвоха – мы всегда были гармоничной парой, радующей глаз, из тех, которые ставят в пример.

Что-то заподозрила Моника. Прищуря свои кошачьи глаза, она пристально меня рассматривала:

–Ты поправилась. Вы ждете пополнения в семействе?

–Что? Нет, Мони, ты с ума сошла, какое пополнение до конца пятилетнего контракта! Мы с Рэем предохраняемся так, словно уже была ядерная атака и нельзя выйти без скафандра.

Она не улыбнулась.

–И тем не менее ты поправилась. Ты, которая не была пухленькой даже в подростковом возрасте. Мариза, у тебя все хорошо? Ты же знаешь, что мне можешь сказать все.

Могла ли я действительно сказать ей? И чтобы это изменило? Мони, все ужасно, я ненавижу Европу, я хочу обратно? Она бы стала волноваться, наверняка все слила Еве, та – Хавьеру, они усадили бы меня и Рэя на диване, как нашко-

дивших подростков и наверняка вытрясли бы душу. Возможно, так и стоило с нами поступить. Но я проглотила комок в горле и соврала Монике прямо в лицо:

–Конечно, Мони, у меня все ок. Просто я научилась печь изумительные торты.

Праздники прошли слишком быстро и нам пора было возвращаться. Второй раз расставание далось мне гораздо тяжелее. Сидя в самолете, который уносил нас прочь от дома, я не могла сдержать слез, и они долго катились по моим щекам. В салоне было темно и Рэй ничего не заметил.

2018

Январь, Люксембург

And I'm breaking out

I'm breaking out

Last chance to lose control

It's holding me

Morphing me

And forcing me to strive

To be endlessly

Cold within

And dreaming I'm alive

(Muse – Hysteria)

Замечание Моники по-настоящему задело меня. Я разделась догола и критически осмотрела себя в зеркале. Правда была налицо, вернее, на ягодицах: малоподвижный образ жизни и сытные ужины плохо сказались на моей фигуре. На

талиии появился легкий жирок, ноги потяжелели, попа подвисла.

Внутренне я даже обрадовалась. Теперь хотя бы у меня был враг, на которого я могла излить ярость и энергию. Лишний вес наступал, и я готова была дать ему бой.

Как всегда, перед тем как приступить к незнакомому занятию, я досконально изучила вопрос. Прочитала все про питание, график тренировок, подсчет калорий и базальный метаболизм, про то, как формировать длинные мышцы и какое оборудование необходимо для занятий дома.

Выбрала несколько понравившихся видеокурсов для формирования стройной и гибкой фигуры, установила счетчик калорий на телефон, купила сверхточные кухонные весы.

И начала тренироваться.

Если бы меня кто-то спросил, что я делала первое полугодие две тысячи восемнадцатого года – я бы ответила только – качала пресс. В моей жизни долгое время не было смысла и фитнес наряду с правильным питанием заполнил огромную дыру в моей душе. Сейчас, вспоминая то время, я понимаю, что со стороны, наверное, выглядела одержимой и это был одним из звоночков, что со мной не все хорошо. Но тогда мне это было неважным, а главным было то, что у меня была цель и я к ней шла.

У меня всегда были неплохие физические данные, добавив к этому знания, огромное упорство и просто чертову прорву свободного времени, легко можно понять, что к

июню у меня была совершенная фигура.

И это все, что я могу сказать про январь, февраль, март, апрель, май, июнь и июль.

Август, Испания, Коста-дель-Соль

Kiss me hard before you go

Summertime sadness

I just wanted you to know

That baby you're the best

(Lana del rey – Summertime sadness)

Мы нежились на солнышке, вернее, нежилась я, а Рэй лежал на моем животе и вслух размышлял.

–Корриду посмотрели – раз.

–Фламенко станцевали – два.

–На фоне Саграда Фамилии сфотографировались – три.

–Собрали все лайки твоему купальнику – четыре. Кстати, напомни, как получилось, что я оказался не против, чтобы ты купила это оружие массового поражения?

–Ты сам его мне показал, —лениво протянула я. Говорить не хотелось.

–Ах он я! Развратник. О чем там бишь я? Какие еще флажки про Испанию мы не поставили в нашем чек-листе?

–Купить кастаньеты.

–Точно! Кастаньеты. Все время их путаю с каннабисом.

Я пихнула его в бок.

–Мы не в Голландии, веди себя прилично.

–А вот почему мы не в Голландии? –

—Потому что ты сам спланировал это путешествие как подарок любимой жене на первую годовщину свадьбы.

—Ах, снова я! Да я, погляжу, у тебя удалец. И требую награды. Вот прямо сейчас.

—Прямо сейчас? Ну, тогда догони меня! — я пихнула его изо всех сил, сама вскочила на ноги и бросилась бежать к номеру. — Кто последний, тот сверху!

Я иногда вспоминаю то волшебное лето. По сравнению с душным годом в бетонном городе те мгновения в Испании казались пропитанными золотой пылью, прозрачным воздухом, соленым морем и любовью. Мы снова принадлежали друг другу и, как всегда за широкой спиной Рэя, все мои страхи ушли, растворились в прибрежных волнах.

Легко было верить, что у нас все хорошо, засыпая в объятиях друг друга на хрустящих простынях гостиничного номера после ночи страсти.

Легко было думать, что мы все преодолеем, резвясь в море как годовалые щенки, брызгая друг друга водой, играя в догонялки.

Какими влюбленными и счастливыми мы тогда были.

И глупыми.

Мне хочется подбежать к той Маризе и встряхнуть ее хорошенько: Не молчи! Разве ты не понимаешь, сейчас тот самый момент! Расскажи ему, поплачь, потом вы вместе посмеетесь над всеми страхами, вы обязательно что-нибудь

придумаете. Сейчас у вас еще есть время.

Я смотрю на того Рэя, обожающего свою любимую, уверенную в ней так слепо, что он не замечает очевидного. Нужно бы ткнуть его хорошенько и раскрыть глаза: Оглянись! Твоя Ри, она тонет в собственной голове, прямо на твоих глазах, а ты не видишь. Спроси ее, почему ты так давно не видел ее такой, как сейчас, спроси, почему ее новый блокнот, купленный в прошлом сентябре, до сих пор пустой, спроси, какого черта она помешалась на своем внешнем виде. Спроси сейчас, Рэй, сейчас еще есть время.

Двое влюбленных, хохоча, бегут по кромке прибоя. Парень догоняет девушку, хватая за руки, перекидывает через свое плечо. Девушка смеется и визжит, колоча руками по его спине. Они опускаются на берег, волны ласкают их тела, они начинают целоваться.

Им не до разговоров.

Я оставлю их наедине. У них осталось совсем мало времени вместе.

Сентябрь, Люксембург

How can you see into my eyes like open doors

Leading you down into my core

Where I've become so numb without a soul

My spirit sleeping

Somewhere cold

Until you find it there and lead it back home

(Evanescence – Bring me to life)

Мы вернулись в сентябрь отдохнувшие, загоревшие и счастливые. У нас была еще целая неделя отпуска и мы провели ее в Париже. Сняли дорожный лофт на левом берегу Сены в квартале Сен-Жермен-де-Пре, целыми днями бродили пешком, забредали в музеи, дома знаменитых писателей, составили несколько подробных маршрутов и ни одному не следовали, обедали багетом с ветчиной, пили вино из бутылок, ели круассаны на завтрак, я купила себе берет.

Люксембург встретил нас стеной дождя. Я всегда знала, что этот город меня ненавидит и выходя из машины у крыльца дома явственно понимала: лето прошло.

Будни набросились с ужасной, пробивающей силой и я, разнеженная долгим сладким летом, просто сломалась. Если весь прошлый год я пыталась и худо-бедно находила себе какие-то занятия, то сейчас я целые дни проводила на диване. Все мои внутренние ресурсы перешли в какой-то автономный режим и я переползала из недели в неделю на автопилоте. С трудом просыпаясь, я готовила Рэю завтрак, после его ухода немедленно забиралась в постель и спала до обеда, иногда часов до трех. Потом буквально силой за волосы вытаскивала себя из кровати, приводила в порядок, готовила ужин. Я забросила тренировки, я не чувствовала вкуса еды, я смотрела в будущее и видела впереди еще четыре нескончаемых года, которые нужно было как-то пережить, но как — было неясно.

Я уже не старалась улыбаться и делать вид, что все хорошо

– сил не было и последние тратились на то, чтобы создавать видимость порядка. Рэй из лета заметил бы сразу перемены во мне, Рэй— сентябрьский с головой ушел в дела, накопившиеся за отпуск и часто звонил мне, предупреждая, чтобы не ждала на ужин.

Я не обижалась. Такой звонок означал, что мне можно ничего не готовить и не нужно одеваться. Бывали дни, когда я не ела вообще ничего.

Если это была не депрессия, то очень, очень близко. Обратил на это внимание не Рэй, а его коллега. Где-то через три недели после нашего возвращения раздался звонок в дверь. Рэй раньше уже звонил и говорил, что придет поздно, но я посчитала, что, наверное, освободился раньше. Я оглядела себя – пижамные шорты, растянутая майка на бретельках — было видно, что с кровати эта девушка сегодня не вставала. Решила, скажу, что очень болит голова— она действительно болела- и открыла.

Это был не Рэй. Если бы не мои заторможенные мозги, я наверняка сообразила раньше, что у него есть ключи. На пороге стоял Сантьяго с огромной папкой бумаг подмышкой.

Не знаю, кто из нас растерялся больше. Мы смотрели друг на друга через порог и мысли в моей голове метались со скоростью света: я не одета, какого черта он здесь делает, на мне нет лифчика, почему я не спросила, кто там.

Он начал извиняться:

–Простите, Мариза, ради бога, я к Рэю, я должен был по-

звонить, я, пожалуй, зайду в другой раз...

Врожденная вежливость победила. Я предупредительно подняла руку.

–Стоп. Стоп. Сейчас разберемся. Сантьяго, давайте вы зайдете в дом, и мы все выясним.

Он вошел, и я кивнула ему на бар. Налейте себе выпить, а я пока переоденусь. Я быстро ополоснулась, стянула волосы в хвост, надела джинсы и свежую белую майку.

Он пил джин с тоником.

–Сделайте и мне, попросила я. –Так вы договаривались с Рэем о встрече? Я сейчас ему позвоню, он задерживается, наверное, забыл.

–Не стоит, Мариза, не беспокойте его. Мы разговаривали с ним на неделе и решили, что как-нибудь вечером я к нему заеду, но точный день не обговаривали и я должен был позвонить. Я еще раз приношу свои извинения за вторжение. Он допил свой джин и направился к выходу. У меня осталось чуть меньше полстакана. Я залпом проглотила их и шагнула за ним, чтобы проводить, но не предусмотрела того, что на мой истощенный организм алкоголь подействует молниеносно. Меня резко повело и я едва не упала.

Сантьяго мгновенно оказался рядом. Подхватил меня, подвел к дивану, принес воды. Я готова была расплакаться от стыда и смущения. Если он подумает, что я алкоголичка? Если он кому-нибудь расскажет? Он молча ждал, пока мне станет лучше. Голову и шею словно зажало в тисках, плече-

вой пояс одеревенел, но постепенно в глазах прояснилось.

—Сантьяго, вы не должны хлопотать вокруг меня. Мне явно не стоило пить этот джин-тоник, но в остальном уже все намного лучше.

—Ты.

—Простите, не поняла?

—Ты, Сантьяго. Не вы. Я еще не старик.

Я слабо улыбнулась. —Хорошо. Засчитаем спасение дамы за брудершафт. Но ты или вы, значения не имеет. Со мной уже все отлично и вам... тебе не стоит задерживаться.

Он кивнул.

—Ок. Только не провожай меня, посиди еще на диване.

—Сантьяго! Можно попросить?—он обернулся. —Да, конечно. Принести еще воды?

—Не совсем. Не только. —я замаялась. —Пожалуйста, не говори Рэю. Я не хочу, чтобы он беспокоился.

Его глаза на мгновение сузились, ему явно не понравилась моя просьба. Но в итоге он кивнул: хорошо.

Через день мне пришло сообщение от него: мы с Аланом нашли здесь изумительный итальянский ресторан, приглашаем вас с Рэем. Я передала приглашение Рэю, и он покачал головой.

—Ри, я сегодня по уши занят, но ты не должна из-за меня скучать. Сходи с ними, они отличные ребята.

Я подумала-подумала и пошла.

Мы отлично провели время. Ресторанчик был небольшой

и очень атмосферный, удобно устроившись на диванчике, полном ярких полосатых подушек, я наслаждалась едой и отличной компанией. С Аланом и Тьяго было легко и весело, моя скованность пропала и я весь вечер остроумно шутила, пикируюсь с ребятами.

Мы договорились встретиться на следующей неделе и уж тогда наверняка вытащить с собой этого медведя-трудягу Рэя, но и на следующие выходные все повторилось. Когда я позвала его в третий раз, он поднял руки вверх:

–Ри, ты режешь меня без ножа! Я не могу и сегодня, если я пойду, то завтра провалиюсь с дурной головой и не закончу работу. –Увидев выражение моего лица, он отложил бумаги, встал, обнял меня, поцеловал в шею.

–Девочка моя, я виноват перед тобой. Я клянусь, обещаю тебе, договаривайся на следующий раз, я буду рядом. Пойдем куда хочешь. А сегодня сходи без меня, повеселись.

Я старалась не поддаваться обиде, но, видимо, все было написано на моем лице, когда я вышла к машине, потому что Сантьяго и Алан переглянулись, и не задав ни одного вопроса, принялись усиленно шутить и отвлекать меня. Когда мы подъезжали к бару, я уже смеялась.

Октябрь, Люксембург

С головы сорвал ветер мой колпак,

Я хотел любви, но вышло все не так,

Знаю я ничего в жизни не вернуть

И теперь у меня один лишь только путь...

(Король и Шут – Прыгну со скалы)

Следующую встречу назначили на канун дня всех святых. Парни достали приглашения на какую-то эксклюзивную костюмированную вечеринку.

— Будем праздновать Хэллоуин! Так, мы с Тьяго будем падшими ангелами, я белым, а он черным, а ты, Риз, с твоими рыжими волосами, точно должна стать нашей демонической сестричкой. Только не такой, как у Пратчета, умоляю тебя, не убивай мое чувство прекрасного, надень на себя что-нибудь секси. — Алан, непереставая, трещал об этом маскараде уже вторую неделю. Мы с Тьяго только тяжело вздохнули

— А Рэя я вижу Люцифером. Что-нибудь кожаное, обтягивающее его скандинавский торс и мощные, закручивающиеся рога, да что вы ржете, как адские собаки, вы, дикие люди, ничего не понимающие в прекрасном!

Представив еще раз высокого, широкоплечего, мощного Рэя в кожаных трусах и с рогами, мы снова покатались от смеха. Я еле смогла из себя выдавить:

— А... а крылышки у вас будут?

Алан раздосадовано махнул рукой: да что с вас взять, как дети малые и гордо удалился. В спину ему неся наш хохот.

Рэй действительно согласился на роль Люцифера, хотя костюм выбрал поскромнее — но все равно очень эффектный. В примерочной мы изрядно повеселились, примеряя наряды от невинных до эротичных, от смешных до откровенно

безумных. В итоге мы купили Рэю маску, черный плащ, подбитый красным бархатом и черный облегающий костюм с высокими сапогами и хлыстом.

–Ты такой сексуальный в этом наряде, – промурлыкала я, прижимая его к стенке кабинки. –Я тебя хочу.

Он ухмыльнулся вполне себе демонически:

–Ай-яй-яй, устраиваешь разврат в примерочной. Грязная девчонка. Веди себя хорошо, а не то...он многозначительно погладил ручку хлыста.

–Не могу дождаться, когда же ты меня накажешь, о, господин, – я сделала такое пафосно-томное лицо, что оба не выдержали и прыснули со смеху. Но костюм все-таки купили.

Собираться я начала еще с обеда. Волосы, обычно вьющиеся, выпрямила и они резко подчеркнули остроту скул. Потратила несколько часов на макияж— смоки айс, нежные губы, безупречный матовый тон кожи. Надела кружевную маску. На маникюр, педикюр и шугаринг я сходила еще накануне вечером. Надела тщательно выбранное белье, купленное за бюджет маленькой африканской страны и нанесла духи: уши, шея, запястья, между грудей, ниже. Я многого ожидала от этой ночи.

Мой наряд был откровенно вызывающим. Алое платье безупречно оттеняло белизну кожи, но раздраженно гармонировало с цветом моих волос, делая меня похожей на сгу-

сток пламени. Вырез облегал груди сердечком, узкой стрелкой снижаясь между ними до области ребер. Я надела три длинных ожерелья. Луна, солнце и звезды они упали в мое декольте, знаменуя вехи разврата: ключицы, ложбинка, низкий край декольте.

Тупфи на высоком каблуке, маленькая сумочка. Я выглядела как очень, очень дорогая шлюшка, но сегодня, сейчас это было уместно. Я хотела, чтобы Рэй весь вечер предвкушал будущую ночь.

Я была готова. Рэй должен был переодеться на работе и заехать за мной, но он запаздывал. Как обычно. Я налила себе бокал вина и уже допивала его, когда он позвонил.

—Ри, —выдавил он и замолчал. — я сразу догадалась, что дело неладно.

—Ты опаздываешь, да? Ничего страшного, я подожду. У меня тут бутылка красного сухого, кстати, идеально смотрится с моим нарядом. Часа тебе хватит?

—Ри, послушай —в его голосе слышалось страдание, и я поняла.

Сердце резко бухнуло в живот.

—Ты не можешь пойти.

—Ри, мне правда, очень-очень жаль. Я подвел тебя.

К моим глазам подступили слезы, где-то в груди разгорелась ярость. Так нечестно!

—Да, подвел. Рэй, ты клялся мне. Мы готовились заранее!

—Ри, понимаешь...

—Нет. —оборвала я его объяснения. -Не понимаю и понимать не хочу. Рэй, так нельзя делать, нас ждут, мы обещали.

—Любимая, пожалуйста, поезжай без меня, не порти себе вечер.

—Ах, не портить себе вечер, —ядовито прошипела я. -Я нацеплю короткое платье с вырезом до пупка и лабутены на километровых шпильках и отправлюсь одна на бал-маскарад, так ты себе это представляешь? А ценник мне к спине не прилепить? На сегодня свободна, сдается в аренду? Иди ты к черту, Рэй— я бросила трубку.

Он тут же начал перезванивать и на третий раз я взяла себя в руки настолько, чтобы ответить.

—Рэй. Со мной все в порядке. Я не сержусь. Да, я все понимаю. Работай спокойно. Я погорячилась. Сейчас разденусь и включу себе фильм. Нет, я не поеду. Не упрашивай меня. Алан и Тьяго не нанимались меня пасти, Рэй, пожалуйста. Нет, я никому звонить не буду. Точно. Нет, все нормально. Да, сто процентов. Пока. И я тебя.

Я налила себе еще вина. Выпила. Подлила. Зазвонил телефон. Тьяго. Ну конечно. Наверняка Рэй попросил меня выгулять. Подниму и вежливо откажусь. Придумаю достаточно вескую причину.

—Мариза?

—Тебе Рэй сказал мне позвонить?

—Ээ. Да, Мариза. Но понимаешь, тут такое дело. У Алана в последний момент резко поменялись планы, и я хотел ска-

зять, что я не пойду. -Я невесело рассмеялась.

-Тебя тоже кинули сегодня, да? Ничего, Тьяго, я как раз уже придумала речь, как достойно отказаться.

-Голова болит?

-Нет, неправдоподобно. Головная боль – это из фильмов семидесятых. Живот скрутило просто ужасно. Голова —это романтично и несерьезно, все знают, что отмазка ненастоящая, а вот попробуй возрази что-нибудь против бунтующего желудка.

Я услышала, как он улыбается.

- Надо запомнить. Мариза... Ты ведь по-настоящему сейчас расстроена, да? – в том, как он спросил, не было никакой оценки событий, простая, голая констатация очевидного факта и у меня снова перехватило горло. Запрокинув голову, чтобы от слез не потекла тушь, я выдавила из себя.

-Да.

Он долго молчал, так долго, что я начала думать, будто нечаянно сбросила звонок.

-Тьяго, ты там?

-Там. И знаешь, Мариза, что я думаю? К черту! Я буду у твоего дома через десять минут. Выходи, мы едем на бал!

Когда я спустилась, он уже ждал меня у машины. При виде меня его глаза расширились, и он присвистнул.

-Я не отойду от тебя сегодня ни на шаг, потому что иначе тебя похитят.

—Да ты и сам выглядишь так, что мне впору доставать метлу отгонять поклонниц.

Он, как и Рэй, выбрал себе черный наряд. Но если громадный, статный Рэй с его квадратным подбородком и волосами, забранными в хвост, действительно походил на грозного князя Тьмы, то худощавый, высокий и гибкий Сантьяго напоминал больше проворного демона— высокомерного и насмешливого.

И сексуального— неожиданно поняла я.

Добрались мы быстро. Вечеринка была в разгаре, все гости были уже в идеальном настроении: разгоряченные и раскрепостившиеся, но никто еще не напился до скотского состояния.

—Что пьем? —спросил меня Тьяго. Вино, джин с тоником?

—Я посмотрела ему в глаза.

—Лично я собираюсь домой ползти.

—Понял, миледи. Значит, виски.

Он взял два стакана, и мы уселись у бара.

—Теперь жалуемся. Ты первая. Закончи фразу. Я такая красивая, но грустная потому...

—Потому что у меня ощущение, что это чертова работа вышла замуж за Рэя, а не я. Пас. Я не хотел идти на вечеринку в этом чертовски сексуальном костюме потому...

—Потому что бывшая подружка Алана объявилась накануне, они ссорились как в итальянском кино, потом перебили

всю посуду на нашей общей, между прочим, кухне, устроили драку в коридоре, а потом ушли в бешеный отрыв, и я со вчерашнего дня Алана не видел. Абонент временно недоступен.

Я чуть не подавилась виски.

–Подружка Алана? У него есть подружка? А как же ты?

А Тьяго подавился.

–Я? Я его подружка? –Прокашлявшись, он начал хохотать.

–Риз, ты что, решила, что мы пара геев?

Я вспыхнула:

–А что, по-твоему, я должна была еще решить? С дня свадьбы я вижу вас всегда вместе, вы вместе живете и да, вы хорошо смотрите вместе!

Тьяго рассмеялся снова.

–Черт, Мариза, Алан умрет от смеха, когда услышит это. Да, я представляю теперь, что с твоей стороны все выглядело именно так. Нет, Риз, мы лучшие друзья, но не геи.

–И все об этом знали? И Рэй? – он кивнул. –Да, конечно. Алан постоянно меняет подружек.

–А ты?

–Нет. Я-нет.

Алкоголь лился рекой, и уже к полуночи мы все были одна большая пьяная семья. У меня постоянно был полный стакан в руке, танцевала ли я или дымила в чилаут зоне. Мы встретили знакомого Сантьяго, симпатичного развязного малого с волосами, выкрашенными в такой яркий красный, что мое

платье стыдливо ушло курить в сторонку. Сам невысокий, в каждой руке у него было по обалденной высоченной девушке:

– Ха! Старик! И ты здесь. Ну и вырядился же ты!

Он оценивающе осмотрел меня с головы до ног.

– Но девчонка с тобой крутая. – Он склонился в шутовском поклоне — Позвольте представиться, миледи, я Пьер де Фостер, фанфарон и фигляр, донжуан и гуляка, а это две мои ветреные спутницы – Карин и Дженна.

Он мне сразу понравился. У него были веселые глаза и его насмешки были добрые. Я протянула ему руку для поцелуя:

– Мариза, но вы можете меня звать просто графиня де ла Фер[1]

– Ну что, дамы, выпьем? – Дамы, включая меня, согласно кивнули. – Ну что, Санчо Панса, думаю, стоит пойти и принести нашим прекрасным Констанциям выпить. – Они с Тьяго направились к бару, и я слышала, как Пьер добавил: берем сразу три бутылки, не знаю, как твоя, но мои Дульцинеи хлещут не хуже Росинанта.

– ...И вот идем мы с ним по Риму в шлепках, и спрашиваем у прохожих, скузи пер фаворе, где у вас тут можно кровь сдать?...

Через час мы были лучшими друзьями. Я знала о Пьере все. Что на самом деле он вполне себе Питер Фостер и без всякого «де», выпускник Оксфорда – магистр классической

литературы. Его девушкой была Карин, красивая умная брюнетка восточнославянской внешности. Русоволосая Дженна была его младшей сестрой и, наверное, самой трезвой в нашей компании. Узнав, что я иллюстратор, они немедленно потребовали свои портреты, и на мои слабые возражения, что-де в малюсенький клатч и помаду-то еле запихнула, не то что скетчбук, Питер кому-то что-то помахал, где-то улыбнулся и добыл-таки ручку и пачку чистых салфеток. Инструмент был не ахти, но я не стала выпендриваться. Я быстро набросала несколько шаржей: вот верткий мелкий Пьер в образе беса, вокруг него две статные демоницы, все посмеялись, а я, подумав, нарисовала нового Пьера – серьезного, с прямой спиной и в очках. Дженна ахнула.

– Риз, не верю своим глазам – это же вылитый наш отец, профессор истории! Как ты догадалась?

– Да черт его знает, — отшутилась я – сегодня же ночь всех святых. Увидела и всё.

– Ой, а увидь меня. – Это было несложно. С момента, как мы познакомились, перед моими глазами стояла строгая валькирия с серьезными глазами. Дженна не поверила.

– Я? Такая красивая и...справедливая? Мариза, но я пока всего лишь обычный клерк. Я заберу этот рисунок, Пьер, не пролей на него коньяк, пьянь ты этакая.

– А меня, меня нарисуешь? – это попросила Карин. Я взгляделась в нее. Мягкие волосы, широкое, задумчивое лицо. Не особо раздумывая, я нанесла штрихи на бумагу и по-

казала, что у меня получилось:

–Мадонна с младенцем, заржали все. – берегись Пьер, лучше бы тебе ползти в свою койку одному сегодня ночью. Карин смеялась вместе со всеми, но Пьер нет. Он с особым сосредоточием очень пьяного человека пристально рассматривал рисунок, а потом аккуратно сложил его в свой нагрудный карман.

Часам к двум ночи веселье начало затухать. Пора было расходиться и нам, но никому не хотелось заканчивать такую чудесную ночь. Тьяго предложил отправиться к нему пить таиландскую водку со змеей и тогда это всем показалось просто гениальной идеей. Мы словили такси, гурьбой втиснулись в него и поехали к Сантьяго.

У меня не осталось четких воспоминаний о том, понравилась ли мне заспиртованная змея, хотя мы ее символично съели под игру в крокодила. Кто и что показывал, в моей памяти также сливается в одно расплывчатое пятно под аккомпанемент дикого хохота.

Первой сдалась Карин. В какой-то момент она ушла в поисках ванной и через некоторое время вышла оттуда бледной и протрезвевшей. Пошептав что-то на ухо Питеру, они срочно засобирались домой. После их отъезда Тьяго поставил вариться кофе, но такси Дженны подъехало раньше, и она упорхнула, расцеловав нас обоих.

Мы с Тьяго остались вдвоем. Он стоял у плиты. Его тща-

тельно уложенные в начале вечера волосы растрепались и были влажными от пота. Рубашку он расстегнул на несколько пуговиц, так что в вырезе виднелась гладкая безволосая грудь, рукава закатаны до локтей. Я сидела у стола, подтянув колени к груди, туфли я давным-давно сбросила.

Сантьяго спросил:

–Тебе тоже такси или дождешься кофе?

Я помедлила с ответом. Домой не хотелось.

–Дождусь кофе.

Я незаметно разглядывала Тьяго из-под опущенных ресниц. Он был красив. Сухощавое, мускулистое, гибкое тело, грация дикого животного, пропорциональная фигура перевернутый треугольник, рельефные руки, сильная спина. Бывает такая степень опьянения сознания, когда голос разума уходит куда-то за грань и человеком руководят только инстинкты и интуиция – к власти приходит подсознание. Я очень четко осознавала, что сейчас я – не совсем я, потому как тормоза спущены и не могу себе доверять. Но алкоголь пел в моей голове и что-то глубоко дикое будоражило кровь, что-то чему я могла, но не собиралась сопротивляться.

Я хотела Сантьяго.

Он снял турку с огня, разлил кофе по чашкам. Вполне понимая, к чему я веду, я проговорила, осторожно и медленно выговаривая слова.

–Знаешь, что бесит больше всего в три часа ночи? То, что эти дорогущие бюстгальтеры ужасно, просто адски неудоб-

ные. Я едва могу дышать. -Я завела руки за спину, расстегнула крючки лифчика, вытянула его через декольте и повесила на спинку стула. Под тонкой тканью платья мгновенно обрисовались соски.

Сантьяго сделал шаг назад, к кухонному острову.

-Мариза, остановись. Мы оба пьяны.

Я встала со стула, потянулась как кошка и скользнула к нему. Расстегнула пуговицы на его рубашке, одну за другой, положила руки ему на грудь, потрогала бусинку его соска. Он крепко схватил меня за руки, завел их за спину, не больно, но сильно.

-Мы не должны этого делать. Это неправильно. Мариза. - его голос звучал тяжело и умоляюще, как будто он уговаривал сам себя.

Я устало положила голову ему на грудь, вдохнула его запах.

-Я знаю, Тьяго. Это очень-очень неправильно. Только веришь - мне все равно.

Он глубоко вдохнул воздух.

-Ты пожалеешь. Еще не рассветет, а ты пожалеешь.

-Я - нет. А ты?

Вместо ответа он меня поцеловал. Его губы пахли табаком и виски, я сама наверняка была на вкус как пьяная пепельница, но это не имело значения. Я полностью отдалась поцелую, пила его губы, выпрашивая еще. Он стал целовать мне шею, спустился к груди. Я подняла руки, он через го-

лову стащил с меня платье, трусики я сняла сама. Он поменял нас местами, посадил на столешницу, сбросил рубашку, расстегнул брюки. Я раздвинула ноги, торопя его, но он не спешил. Внимательно меня рассмотрел, впитывая глазами, провел рукой от груди к животу, опустил ниже, накрыл ладонью лобок. – Не зря ходила на шугаринг – совершенно неуместно мелькнула мысль. Он раздвинул пальцем тонкую кожу половых губ, начал водить грубой кожей по клитору, это было так восхитительно больно, что я сильно застонала. Быстрее. Пожалуйста. Он вошел осторожно, давая мне время привыкнуть к чужой тяжести. Чувствовать в себе незнакомого мужчину было странно. Как будто я примеряю новые джинсы и еще не решила, удобно мне в них или нет. Я поерзала бедрами, подстраиваясь под него, внутри все горело, хотелось, чтобы он побыстрее начал двигаться. Я обхватила его за ягодицы, прижала сильнее к себе, без слов говоря: хочу. Он сжал мои плечи, сильно, стал двигаться широкими толчками, каждый раз входя заново, так что я вздрагивала от острого наслаждения. Мы оба были пьяны и сильно, и поэтому кончить быстро не получалось. Пик подбирался и манил, но каждый раз мы скатывались вниз, не достигнув вершины. Оба были скользкие, как угри, пот лился ручьем, заливая глаза, мы слизывали его с друг друга. Сантьяго замедлился, стал двигаться совсем коротко, снова переключив внимание на мои губы. Он просунул мне в рот большой палец, дотронувшись до нёба, я стала сосать его, в тот момент

для меня он был слаще любого леденца.

– Сумасшедшая – прошептал он, прижавшись щекой к моей щеке. – Какая же ты сумасшедшая.

Он выскользнул из меня, задрал мои ноги выше, поставил пятками на столешницу, развел в сторону, с нажимом удерживая за колени, раскрыв мое тело перед собой во всех анатомических подробностях. Потом грубо вставил свой член во влагалище и задвигался резко, рвано, свирепо, быстро. Всегда нежной и уязвимой, предпочитающей осторожный, медленный секс, мне нужна была в тот момент эта ярость и необузданность. Вся обида, вся злость, что копились во мне все эти месяцы, вдруг нашла себе выход. Я впилась в его спину пальцами, чувствуя, как под ногтями рвется кожа, мне хотелось, чтобы он меня разодрал, хотелось царапать его от плеч до бедер, запах его соленой кожи кружил мне голову. Я больно укусила его плечо, до крови. Сантьяго давил на меня до писка, я уже не сидела, а лежала на столе. Он перехватил мои запястья и удерживал руки над головой, сам схватил зубами сосок, сжал его болезненно сладко.

– Сильнее. – взмолилась я. – Он помотал головой. Откушу. Нельзя.

У обоих была пелена перед глазами. Не отпуская моих рук, он лег на меня всем торсом и стал протягивать под собой, послушную как резиновую куклу, попеременно кусая мои соски. Неожиданно нас накрыла волна оргазма, смывая напряжение с наших тел и мы обмякли, абсолютно изнемо-

жённые. Сантьяго обхватил меня за талию, снял со стола, опустился рядом, положив меня сверху. Он был такой удобный и твердый, и дышал размеренно и ровно, и сразу ужасно захотелось спать, глаза закрывались сами по себе и на какое-то время мы оба провалились в короткий сон прямо на полу кухни.

Реальность навалилась сразу после пробуждения, накрыв толстым серым одеялом вины. Я перекатилась с Тьяго, подобрала с пола выпавшую из его кармана пачку сигарет, голая вышла на балкон, распахнула раму, облокотилась на перила.

Промозглый город язвительно подмигивал мне огоньками глаз: я знал, что ты сломаешься.

Я выдохнула ему в лицо клуб дыма и выбросила окурочек. Пошел на хер.

Сантьяго подошел и накинул мне на плечи свой пиджак, развернул к себе, крепко прижал. Я спрятала у него лицо на груди.

–Жалеешь.

Я помотала головой.

–Нет. – Мне было очень плохо, но я не жалела.

–Прости меня, Риз. Я не должен был пользоваться твоим состоянием. Я обязан был сдержаться.

–Эй, мушкетер, полегче. Я сама этого хотела, уже забыл?

–Нет. Не забыл. Но я знал, что потом с тобой будет вот так. –Он погладил меня по щеке, понимая мою тоску. –Если

ты хочешь. Мы можем сделать вид, что этой ночи никогда не было. Никто не знает, мой контракт заканчивается в следующем месяце, я уеду. Ты сможешь жить дальше и ничего не изменится.

–Ты правда сохранишь тайну? Если я попрошу?

Он взял мое лицо в свои ладони, твердо посмотрел в глаза.

–Я знаю, что для тебя это было не по-настоящему, ошибкой. Что на самом деле ты просто мстила ему, а не была со мной.

Он ошибался. Я слабо, еле заметно улыбнулась.

–Нет. Тяго, ты не совсем прав. Да, этот секс был огромной, чудовищной ошибкой, но каждую его секунду я была с тобой. И мне понравилось.

Он закурил, отдал мне сигарету, подкурил себе. Мы оба смотрели на то, как занимается рассвет.

–Что мы будем делать?

Я покачала головой.

–Я хочу сказать Рэю. Он заслуживает знать правду. И нам давно пора поговорить. Просто я знаю, что мне может не хватить сил и смелости и все снова покатится, как прежде. Я предала его, Тяго. Я знаю, что это все полностью моя вина, но мне страшно.

–Это не только твоя вина. Не за один месяц ты пришла к тому, чтобы оказаться в моей постели.

– Но я в ней оказалась.

– Помнишь, когда я пришел тогда к вам с бумагами.

Еще бы. Такое нескоро позабудешь.

– Я тогда не к Рэю заходил.

– Нет? Но если не к нему, то тогда...

– Да. К тебе. Я видел тебя за неделю до этого, но том приеме у ректора, помнишь? До этого мы встречались сразу после лета, перед вашей поездкой в Париж. За месяц ты из счастливой яркой девушки превратилась в свою тень. Я убеждал себя, что это не мое дело, что я не должен лезть, куда не просят... Но не выдержал и, придумав дурацкий повод, пошел. А когда ты открыла мне дверь – испугался. Худая, на лице одни глаза, джинсы еле держатся, под майкой выпирают ребра. И ты безумно испугалась тогда, что Рэй узнает. Я решил, что ты анорексичка. Предложил Алану пригласить тебя, чтобы убедиться наверняка в подозрениях, а потом поговорить с Рэем, но ты пришла, и я снова узнал прежнюю тебя. Помнишь, как мы смеялись? И ты ела с таким аппетитом, было видно, что тебя радует вкус каждого кусочка. Ты не была больна анорексией, а просто чахла. Как кустовая роза, которая засохнет в самом красивом горшке, если ее не пересадить в грунт и не дать расти дальше. И потом, перед сном, я спросил себя: Сантьяго, почему прекрасная веселая девушка, которая вышла замуж за любимого человека совсем недавно, выглядит так, как будто находится в тяжелой депрессии, и почему ее муж, востребованный врач и хороший человек, в упор не замечает этого? Я не нашел тогда ответа, Мариза. Может быть, он есть у тебя?

Я не смотрела на него. Из моего глаза скатилась слезинка. Я чувствовала ее влагу на щеке, потом на губах и подбородке.

—Я помогу тебе ему все рассказать.

—Как? —горько усмехнулась я.— расскажешь сам?

—Я могу. —серьезно сказал Тьяго. -Но не думаю, что тебе это нужно. Ты поймешь, когда увидишь.

Я вернулась домой ранним утром. Рэй еще спал. Я свернулась на краю кровати и провалилась в короткий беспокойный сон. Проснулась оттого, что он водил по моему лицу пальцем. Широко распахнув глаза, я смотрела на него и не могла сказать ни слова. Надо отодвинуться от него, все рассказать. Рэй поцеловал меня властным, проникающим поцелуем, раздвинул коленом ноги и вошел без подготовки: глубоко, больно. Я обхватила его ногами, сильнее прижала к себе. Это было так дико— и при этом развязно возбуждающе, понимать, что только что в тебе был другой мужчина, а сейчас этот. Их запахи бесстыдно смешивались у меня на коже. Я отдавалась Рэю со страстью бешеной кошки и кончила сильно, содрогнувшись в его руках.

Потом мы лежали рядом, и он довольно положил мне руку между ног, лениво водя пальцем по скользким губам.

—Умница, что все-таки ты поехала. Хорошо повеселилась?

Внутри меня мой внутренний голос кричал и бесновался:

нет, Рэй, нехорошо, как ты мог меня отпустить, я оступилась, я тебе изменила, ты сам виноват, я виновата, ты меня не простишь, между нами все кончено, но горло мое сжалось, и я не смогла раскрыть рот и просто кивнула. Да, милый, повеселилась, будь здоров.

Была пятница и Рэй уехал на работу. Я проспала до вечера, потом долго отмокала в ванной, сосредоточив свой разум на кончиках пальцев правой ноги, монотонно обводящих барашек крана. Рэй вернулся раньше, с цветами, вином и моими любимыми конфетами, заглаживая вчерашнюю вину.

—У меня для тебя еще кое-что есть. — Он держал в руках бархатную длинную коробочку. Cartier. В ушах застучала кровь и откуда-то из нутра поднимался сокрушительный ужас, но мои руки не дрожали, когда я открывала футляр. Внутри было кольцо, ослепительное трехрядное ожерелье из розового золота, усыпанное бриллиантами. Я взяла его и поднесла к шее, улыбнулась, хотя мне казалось, что скалюсь. Рэй застегнул и подвел меня к зеркалу.

—Maillon panthère, звенья пантеры, мне показалось, что тебе пойдет. — Я смотрела в зеркало и не видела себя, перед глазами было темно. Колье свободно лежало вокруг горла, но я чувствовала, как сжимаются кольца, перекрывая воздух. Ошейник, ошейник, тебе не выбраться, билось в висках. Я подняла руку, провела рукой по гладким звеньям.

—Оно великолепно, Рэй.

Суббота, воскресенье и понедельник прошли внешне спокойно. Я неотвратимо стекленела изнутри, отстраненно понимая, что я снова загоняю себя в старую ловушку. Уже выбралась наружу вторая я, сильная, всегда улыбающаяся и не ведающая сомнений, и она уверенно заталкивала меня, своего бьющегося в панике двойника, на дно сознания.

В прошлый раз я смогла собрать себя целиком благодаря семье и Рэю. В этот раз помощи было ждать неоткуда.

Во вторник вечером мы ужинали, когда раздался звонок в дверь. Мы никого не ждали. Рэй удивленно пошел к двери и спустя мгновение я услышала его голос.

—Нет, это какая-то ошибка, мы не заказывали доставку, нет, я уверен, что это не я. Я не знаю, почему оплачено и почему наш адрес. И здесь нет никакой записки, у вас наверняка какой-то перебой в программе...

Я подошла.

Мальчик-курьер держал в руке большой букет из кустовых роз. Мелкие вольные свежие бутоны всех оттенков: белые, красные, розовые, сиреневые— казались запертыми в красивую золотую обертку. Как я.

«Ты поймешь, когда увидишь».

Тьяго предлагал мне выбор. На букете не было записки, имена адресата и отправителя не указаны. Так легко было притвориться, что я не знаю, что это. Ошибка, сбой в системе.

Я— настоящая встала с колен в глубинах моей души и

взяла цветы.

—Это для меня.

Курьер облегченно выдохнул и ретировался из квартиры. В глазах Рэя было непонимание.

—Тебе, Мариза? Но черт возьми, от кого ты можешь получить подарки?

Я склонила лицо к цветам, вдохнула аромат. Горько.

Я подняла голову и посмотрела Рэю прямо в глаза.

—Я тебе изменила.

Он не сразу осознал смысл слов. Я видела, как в его глазах сменяются эмоции: непонимание, неверие, страх, ярость, боль.

Он поверил. Что-то было в моем лице, что не оставляло места для сомнений.

—С кем? —его кулаки сжались, он надвинулся на меня, загоняя в угол.

С кем, а не почему. Его не волновали причины. Кто-то покусился на то, что принадлежало ему, и Рэй явно не собирался оставить это просто так. Я сузила глаза.

—Неважно. Ты его не знаешь. Случайный партнер на вечеринке. На той, на которую ты не поехал. Я не спросила его имени.

Его глаза расширились, он вырвал букет из моих рук, отшвырнул, схватил меня за запястья и вывернул руки за спину, правой рукой схватил меня за челюсть, потянул вверх так сильно, что мне пришлось встать на кончики пальцев, чтобы

не оторваться от пола.

–Врешь. Ты врешь, ты была с Тьяго и Аланом. Кто из них? Я убью его. А может, оба, а? Потрахалась с двумя, дрянь?

Моя голова была запрокинута назад, он сжимал мое лицо так, что казалось, сейчас треснет кость. Я с трудом могла разговаривать.

–Алана не было. Мы с Тьяго были до конца вечеринки, а потом он уехал с другом, с ними было две девушки, одна того парня, а вторая, видимо, для Сантьяго. Он вызвал мне такси, но, когда оно подъехало, отменила заказ и вернулась на вечеринку. Я была зла на тебя, пьяна. Подошел какой-то парень, пригласил танцевать, поцеловал, я не отстранилась. Потом мы поехали к нему домой. Все.

–Все? Нет, черт побери, не все!

Рэй был страшен. Всегда спокойный, добрый мужчина, он походил сейчас на раненого зверя. Потянул меня за шею вниз, силой поставил на колени, намотал рукой волосы на кулак, запрокинул голову назад, расстегнул свои брюки, спустил трусы, пальцами сжал мои щеки и давил, пока не раскрыл рот. Всадил свой член до самого горла, соси, сука. По моему лицу потекли слезы, он ударил меня наотмашь, не смей, дрянь, ты не заслуживаешь жалости. Вышел из моего рта, потянул меня за волосы вверх: так тебя драли, шлюха? Я мотала головой, нет, пожалуйста, нет, мне больно, больно. Он безумно расхохотался: больно? Нет, любовь моя, больно будет сейчас. Он вывернул мне руки назад и стал перегибать

меня пополам, пока я не коснулась грудью коленей. Удерживая за запястья, задрал юбку, рванул вниз тонкие трусики. Плюнул себе на ладонь, просунул с силой во влагалище, раздирая: а так тебя драли? Вошел в меня, насаживая на свой член, как на палку. Я кричала, потеряв достоинство, молила прекратить, и, казалось, он услышал меня. Остановился, погладил по ягодицам: хватит? – я могла только прорыдать: – да, да, пожалуйста, пусти. Он не отвечал, только продолжал ласкать меня, потом с какой-то извращенной нежностью просунул палец в анус до нижней фаланги: давала ему в попу, а? Я выворачивала руки из суставов, пытаюсь высвободиться, но он даже не шевелился. На смену его ярости пришло холодное бешенство, он действовал размеренно. Вынул член из вагины, приставил к заднему проходу, надавил. Я сжала мышцы, но он стал пробивать силой, раз, второй. На третий он вошел, сразу до корня, не щадя. Боль накатывала судорогами, я уже не кричала – выла, как дикое животное. Он ускорился, я слышала его тяжелое дыхание, он отпустил мои руки, схватился посильнее за бедра, стал подтягивать к себе, внутри резало осколками стекла, от боли я прикусила нижнюю губу. Внезапно все закончилось. Он застонал, остановился, оттолкнул меня, и я сползла на пол, скрутилась в клубок. Я не могла уже плакать и тихонько скулила.

Он искажился в лице, чертова сука. По его лицу текли слезы. Ри, что ты натворила, Ри. Во что ты меня превратила, тварь. Я же люблю тебя. Я тебя ненавижу. Он вылетел из

квартиры, хлопнув дверью.

Он вернулся глубокой ночью. Опухший, с красными глазами, костяшки пальцев сбиты в кровь. От него несло перегаром, в руках была початая бутылка виски, явно не первая.

Я курила на кухне, на любимом низком пуфике. Спиной к стене, ноги по-турецки, пепельница полна бычков.

Рэй взял стакан, налил до краев, пододвинул ко мне. Сам глотнул из горлышка. И наконец-то задал главный вопрос.

—Почему.

Я сделала большой глоток. Я всегда больше любила крепкие, мужские напитки. Я хотела ему ответить, но голос куда-то пропал.

—Это месь, Ри? Потому что я уделял тебе мало внимания? Не молчи, черт тебя побери, говори! Он ударил кулаком по столу, пепельница подпрыгнула.

Я отшатнулась, инстинктивно поднесла руки к лицу, закрываясь. Этот грубый, сквернословящий, не владеющий собой мужчина мог причинить мне боль снова. Он не был похож на того, кого я знаю, от испуга меня замкнуло, и я не могла говорить. Он мог начать сейчас снова бить или насиловать меня, но не вытряс бы ни слова. Я боялась его до тошноты.

Рэй увидел страх в моих глазах и его лицо искривилось от муки. Он с силой потер его руками, потом опустил передо мной на колени, спрятал мои безвольные холодные ладони в

своих. Я хотела, чтобы он перестал меня трогать.

– Ри. – Он провел по моим почерневшим запястьям, дотронулся до шеи, у основания которой уже разлилось синее кольцо. Я вся была в синяках – бедра, бока, живот – Мариза, я обезумел. Что-то сорвалось во мне и пелена перед глазами. Я вел себя как животное, как маньяк. Ри, мне нет прощения за то, что я сделал. Я ненавижу себя. Но сейчас я держу себя в руках, обещаю. Ри, пожалуйста, не бойся меня. Посмотри на меня. Это я, Рэй, я вернулся. Давай поговорим.

Наконец-то пришли слезы. Они просто текли из-под моих век, хотя я все так же молчала, дыхание было коротким, словно что-то лежало у меня на груди.

Рэй понял. Он слишком хорошо меня знал.

– Снова не можешь говорить?

Я кивнула и заплакала еще сильнее.

Он потянул меня к себе на пол, посадил на колени, стал баюкать, пока я тряслась в беззвучных рыданиях, вцепившись в рукава его рубашки.

Я плакала так, как будто потеряла самое важное, и так оно и было. Все – любовь, доверие – было потеряно, растоптано и никогда, никогда бы уже не могли вернуть все обратно.

Я плакала не из-за себя. Я оплакивала нас.

Рэй наклонился к моему зареванному лицу, взял мои губы в свои, я не отстранилась.

Он поднялся вместе со мной на руках, отнес в спальню. Раздел меня, разделся сам. Мы занимались любовью с пре-

увеличенной нежностью и осторожностью, как будто только что поняли, что на самом деле незнакомы. Никому из нас не было хорошо – слишком свежо перед глазами стояло то, что произошло утром. Мое тело было истерзано, каждое его прикосновение причиняло боль, но внутри меня было ясное понимание, что я не могу запомнить наш последний секс таким. Ради него, ради себя. Мы знали, что теряем друг друга, что это – прощание, но не хотели верить, хотели зашить рану, все исправить. Мы должны были попытаться.

Когда все закончилось, мы повернулись друг к другу лицом, соприкоснулись лбами и я снова нашла в его глазах того, кого любила больше всего на свете.

–Мариза. Расскажи мне все.

И я начала говорить.

Ноябрь, Люксембург

Под холодный шепот звезд

Мы сожгли последний мост,

И все в бездну сорвалось.

Свободным стану я

От зла и от добра.

Моя душа была на лезвии ножа.

(Кипелов – Я свободен)

Еще около месяца мы честно пытались все исправить. И именно тогда я поняла, что одной любви недостаточно. Мы так долго полагались только на ее безусловное горение, что забыли о топливе: внимании, умении делиться проблемами,

доверии. Я считала, что Рэй должен сам понять, что мне плохо, потому что он мой муж, Рэй считал, что мне должно быть хорошо, только потому, что он женился на мне. Мы оба ошибались. Мы по-прежнему любили и хотели друг друга, но из-за моей измены и его насилия что-то важное треснуло между нами и никак не клеилось, это уже было не исправить.

Я навсегда запомнила те последние дни с ним. Он взял отпуск за свой счет и целые дни проводил со мной. Мы разговаривали, разговаривали столько, сколько никогда раньше. Я объяснила, как потеряла саму себя за последний год, как трудно мне было прижиться в новой среде, как тосковала без родителей и друзей, как маялась от ощущения своей бесполезности, ненужности и оттого, что оказалась в положении «докторской вдовы». Я поняла, как больно его ранила, не только изменой, но и тем, что не доверяла, прятала свои чувства, свою обособленность и одиночество. Он ведь всегда смотрел на меня и чувствовал надежный тыл и уверенность, и сейчас ощущал себя преданным и потерянным. Рэй винил себя в том, что не заметил, в каком я состоянии, не понял, что мне требуется помощь. Он не говорил, но я знала, он страдает, что потерял контроль и никогда не позволит себе забыть об этом.

Мы ложились в постель вместе, обнимали друг друга, но сексом больше не занимались. Каждый, глядя на партнера, чувствовал боль не только свою, но и ту, что причинил другому.

Мы, наверное, смогли бы простить друг друга, но никто из нас не мог простить себя.

Не помню, кто из нас предложил взять паузу. Просто в один из вечеров предложение повисло в воздухе и стало понятно, что вот теперь – конец.

Я решила уехать. Город давил на меня своей промозглой серостью и больше всего мне хотелось к маме, Хавьеру, близнецам, Монике, ее малышу и даже к Джейме с его дебильными шутками, в теплые объятия семьи, но в то же время я четко осознавала, что не могу сейчас сказать никому, что мы с Рэем снова расстались, не готова отвечать на вопросы и давать объяснения, просто не вынесу сочувствия в любящих глазах.

И когда я в последний раз шла по городу, уже зная, что у нас ничего не вышло, глотая слезы под угрюмым небом, я поняла, куда я поеду.

Сантьяго написал мне за несколько дней до отъезда. «Давай встретимся. И не думай, что я угощу тебя хотя бы пивом». Я не стала ломаться. Тьяго – даже с учетом обстоятельств— самое веселое, что было у меня за год и я хотела с ним толком попрощаться.

Он заехал за мной ранним утром и мы отправились в Брюссель. Погода была такая солнечная и погожая, как будто тоже хотела оставить мне напоследок приятные воспоминания. Мы бросили машину в центре и целый день гуляли по городу, бродили по улочкам, не сверяясь с навигатором, си-

дели в уютных ресторанчиках, фотографировались на фоне старинных зданий и ни разу не заговаривали про тот вечер и про все, что он за собой повлек. И только за ужином, когда ноги гудели от усталости, а голова была полна прожитым днем, я сказала ему:

–Тьяго, я уезжаю.

Я не смотрела ему в лицо и поэтому увидела, как сжалась в кулак его рука. Но голос был ровный.

–Насовсем?

Я кивнула. –Мы с Рэем... Короче, все кончено.

–Мариза, мне очень жаль. И прости за цветы. Я могу что-нибудь для тебя сделать?

–Нет. Ты не виноват и это наше общее решение. И спасибо за цветы. Они... Они пришли в самый нужный момент. Ты был прав, нам с Рэем давно нужно было поговорить раньше. А сейчас слишком поздно. Для нас обоих. –Улыбка у меня вышла кривой.– В общем, он продолжает работать, а я... а я не хочу здесь больше быть. Я уже купила билет.

–Домой?

–Нет. Мы с Рэем поговорили и решили пока не сообщать нашим родным. Подождем более благоприятного момента. А пока сказали, что мне скучающая жена его коллеги предложила составить компанию в длительном путешествии, и я согласилась. В общем, я в пятницу лечу в Таиланд.

Тьяго заговорил, и мне показалось, что я слышу в его голосе облегчение.

–Но почему именно Таиланд?

Я пожалала плечами. –Не знаю. Просто хотелось сбежать от всего мира и в какой-то момент вспомнила, что мне рассказывали, что Таиланд —это место, где каждый может собрать себя заново. Как раз мой случай. Я уже забронировала милую квартирку на Самуи. Хотела сначала что-то поуединеннее, но потом решила разузнать все на месте. В любом случае времени у меня будет полно.

–С женой коллеги?

–Смешно тебе! Одна. Буду учить тайский, мазать волосы кокосовым маслом и танцевать хулу.

–Рамвонг.

–Что?

–Хула – это гавайский танец. В Таиланде танцуют рамвонг.

–Рамвонг так рамвонг, легко согласилась я. Главное, что уже в субботу меня ждут солнце, океан и никаких забот. Я очень хочу отдохнуть.

Декабрь, Таиланд.

Dans mes nuits je vois des murs de feu

Je traverse des océans de sang

Je croise le fer avec les anges de l'enfer

Et mes jours sont un long tunnel

Au bout duquel

Tu m'appelles

(Garou – Demande au soleil)

Я нашла себе квартиру на холме, недалеко от пляжа Ламай. В моем распоряжении была одна спальня, вид на море и общий бассейн, которым я не пользовалась. О деньгах я не очень беспокоилась. Да, у меня не было работы, и я бы скорее откусила себе язык, чем попросила Рэя или родителей, но от папы мне досталось небольшое наследство, мама инвестировала в надежные предприятия, и сейчас я вполне могла прожить несколько месяцев, не думая о том, что нужно срочно искать заработок.

Несколько дней прошли в суете новизны, но уже к концу недели у меня устаканился распорядок дня. Этот остров никогда не спал полностью, но в 5 утра, когда я выходила на прогулку, он принадлежал мне. Я шла к морю, купалась, потом домой, по дороге на рынок, завтрак, душ, пляж, дневную жару я переживала в уютном кафе, разглядывая прохожих или читая учебник по грамматике тайского (безуспешно), вечером прогулка по центру. Когда лил дождь— брала книгу и устраивала себе гнездо в кресле у окна. Ложилась спать я рано, знакомств не искала. За месяц я похудела, загорела до бронзового цвета и произнесла вслух не более ста фраз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.